

ПРОЗА

НИКОГДА еще не было молодым литераторам столь легко, никогда не было им столь трудно.

На глазах множится число городских, областных и зональных совещаний и семинаров молодых прозаиков и поэтов; стали привычными специальные полосы газет, частые подборки и даже целые номера журналов, отданные молодым; десятки новинок пополняют ежегодно авторитетные книжные серии — «Молодые писатели», «Молодые голоса», «Первая книга в столице» и т. п., а к ним прибавляются десятки других книг молодых, увидевших свет вне серий, но не уступающих зачастую «серийным» ни по тиражам, ни по оформлению: активно действуют специальные редакции по работе с молодыми в издательствах «Современник» и «Молодая гвардия»: участились заседания редколлегии и «круглые столы» в редакциях «толстых» журналов, посвященные творчеству молодых и проходящие при их активном участии: самые известные писатели находят время, чтобы познакомиться с работами молодых товарищей, дать конкретные рекомендации, советы, отзывы...

Первая книга Георгия Баженова вышла с предисловием Сергея Залыгина, Владимира Ширикова напутствовал Василий Белов, Владимира Крупина — Владимир Тендряков, Ивана Евсеева «благословил» Евгений Носов. К книгам и журнальным публикациям других молодых литераторов вступительное слово написали Георгий Марков, Юрий Бондарев, Василь Быков, Юрий Трифонов, Юрий Нагибин, Чингиз Айтматов... Если и дальше продолжать это перечисление, то нам придется назвать едва ли не всех активно действующих советских писателей и — соответственно — десятки (особенно если учесть, что у некоторых из «маститых» не один, а несколько «крестников») имен молодых, на которых они возлагают определенные надежды.

Нарисованная нами картина отродна, но ошибается тот, кто посчитает ее еще и благой. Да, одаренному молодому человеку, обладающему несомненными признаками литературного таланта, сегодня гораздо легче обратиться на себя внимание, попасть «на заметку» писательским организациям, стать участником того или иного совещания или семина-

ра, напечатать свои первые произведения. Но что дальше? Станет ли этот, несомненно способный молодой человек писателем? Станут ли писателями, художниками слова, оправдают ли надежды все те двести с лишним участников VII Всесоюзного совещания молодых писателей, что соберутся скоро в Москве? Разумеется, нет. И вряд ли на этот счет заблуждаются и организаторы совещания, и писатели — руководители его семинаров. Думается даже, что более правы самые строгие из них, те, которые считают: если даже не десять, а пять участников совещания станут в будущем настоящими, большими писателями, то и тогда это мероприятие оправдывает себя полностью.

Но что же случится, а, вернее, может случиться с большинством других, дерзающих стать писателями? Допустим, иные попали на совещание «по ошибке», обладая более «пробивным» талантом, нежели художественным. Но если и есть такие, то их явно немного, и не о них речь. Другой вариант, более распространенный: о произведении молодого автора судят, как о замечательном начале творческого пути, а спустя время оказывается, что это был уже пик того, на что он способен, далее — спад, движение по нисходящей, порой до уровня «профессиональной» графомании. И хорошо, если человек поймет это.

«Десяти одаренных людей», — говорит Виктор Астафьев, — на моих глазах сгорели, и пеплу от них не осталось, оттого что больше занимались пробиванием себя в литературу в качестве «работяги» и забывали о главном — о самоусовершенствовании».

А вот читаем предисловие Астафьева к книге Вячеслава Сукачева «В той стороне, где жизнь и солнце».

В. Астафьев говорит немало добрых слов в адрес молодого прозаика, но тут же пишет:

«Быть может, она (вторая по счету книга В. Сукачева и первая изданная в Москве. — В. К.) и не станет событием в нашей литературе, но для самого автора это событие большое и праздничное, большой, мне не хотелось бы портить «праздничное настроение» автору наставлениями, но все-таки не могу удержаться, чтобы не предостеречь молодого и близкого моему сердцу писателя от литературной суеты... автор уж слишком благополучен и слишком мастеровит, переучен сверх меры на семинарах для молодых, где иной раз больше говорится о том, как выписано, а не о том, что же ты хочешь сказать людям, сказать свое, вышешнее, наблевшее».

Эти слова можно адресовать не одному только молодому прозаику из Хабаровска, но и многим другим, дерзнувшим взяться за писательское перо. Несомненно и то, что наше

отношение к молодым должно быть именно таким: благожелательным и строгим одновременно.

Впрочем, благожелательности при разговоре о творчестве молодых хватает, даже с излишком. Что касается строгости, то, увы, к ней — во всяком случае, в печати — молодые авторы не приучены. Более того, если и промелькнут где серьезные справедливые замечания в адрес той или иной первой крупной публикации или первой книги, то тут же раздаются «дружеские» голоса: «Ну разве можно так! Ведь писатель он молодой, только начинает», и т. п. А хуже всего то,

шие недавно свет книги молодых прозаиков: «Провинциал» Владимира Кочетова, «Сашкино поле» Петра Краснова (обе изданы «Молодой гвардией»), «Ранние берега» Николая Климонтовича («Советский писатель»). Такому же «суду» подвергнем рассказы Владимира Карпова, напечатанные в «Нашем современнике» (№ 8 за 1978 г. и № 1 за 1979 г.).

Эти авторы — ровесники в творчестве. В. Кочетов выпустил книгу в двадцать пять лет, Н. Климонтович — в двадцать шесть, В. Карпов опубликовал рассказы в двадцать семь, П. Краснову к моменту выхода книги исполнилось двадцать

логогические» мальчики, столкнувшись вдруг с подлинной народной жизнью, смотрят на нее как на экзотическую диковину, через призму литературных героев и прочие книжные ассоциации и реминисценции, (повесть «Как у Дуношки на три думушки...»).

Чувствуется, что Кочетов немало прочитал книг, занимался и специальными филологическими исследованиями. Все это сказывается на его прозе — хотя и не всегда в лучшую сторону. То явственно различить чужую, скалькированную интонацию, скажем, «под Бунина», то бросится в глаза сугубо «книжное» сравнение, то

Н. Климонтовича, тем досаднее становится, и невольно возникает вопрос: а для чего, собственно, строилось это изящное «здание», если «жить» в нем нельзя? Явственно чувствуешь, что автор более любит и ценит мерное падение фразы, метафору, сравнение, чем то, чему они должны служить, более любит литературу, нежели то, ради чего она создается и существует. Ни социальных, ни нравственных, ни других общественно важных задач автор перед собой, по существу, и не ставит. Боюсь, что перед нами как раз тот случай, когда налицо болезнь молодой беллетристики, кото-

В ПОИСКАХ ПЕРЕДОЛЖЕНИЯ

что и сам «задетый» автор подчас становится в некую байроническую позу «непонятного» и «оскорбленного» в лучших чувствах, начинает сутелиться, объясняться, писать, звонить: молодой-де я, только «взлетаю», а меня эти звери-критики «влетают бьют». Искренне жаль такого молодого писателя, который пользуется молодостью в литературе, как щитом, упирая на то, что его должны оберегать, защищать и холить — «дорогу молодым талантам!».

Чем отличается такой молодой одаренный литератор от другого, о котором когда-то говорил Астафьев, от человека, пробивающего путь в литературе спекуляцией на принадлежности к рабочей профессии? А ведь великая литература, стоящая за его плечами же, напоминает об уроках «творческого поведения». «Ссылка на то, что Вы еще молоды или что Вы еще «начинающий», послужить Вам оправданием не может: раз решаетесь дать книгу, так давайте и физиономию автора!»... Это из письма двадцатисемилетнего А. П. Чехова... Да и не только уроки классиков напоминают нам о мере взыскательности. Так, например, В. Тендряков в предисловии к «Зернам» В. Крупина говорит вполне определенно: «Первая книга не дает никаких прав на снисхождение. Ее следует судить столь же строго, как и любую другую книгу».

Давайте попробуем «судить строго» три первые, увидев-

восемь лет. Как видим, путь их к первым публикациям и книгам не затянулся. Причем в самом «старте» их видна закономерность, забота общества о выявлении молодых творческих сил. Так, например, П. Краснов был «открыт» на зональном совещании-семинаре молодых писателей тринадцати областей и автономных республик Приуралья и Западной Сибири, которое состоялось в 1976 году в Перми, а В. Кочетов — участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей.

Читаем книгу самого «молодого из молодых» — Владимира Кочетова. Почти все ее герои — школьники и студенты, попадающие в те или иные «взрослые» жизненные ситуации и выходящие из них уже другими: более добрыми, возмужавшими, душевно просветленными, неравнодушными к людям и т. п. Повести и рассказы В. Кочетова — это прежде всего «молодежные» вещи: о молодых и для молодых (не случайно некоторые из них были напечатаны впервые именно в журнале «Юность»).

Мне проза В. Кочетова интересна прежде всего тем, что показывает, насколько слаб, мал и книжен опыт у подростков и юношей из «благополучных» семей, что по-настоящему он начинается приходит как раз тогда, когда это благополучие рушится (повесть «Провинциал» — лучшее, что пока написал В. Кочетов), что «фи-

«выдаст» автора с головой «перебор» слов, пущенных в разрядку...

В первой книге В. Кочетова уже видна его литературная одаренность, определенные творческие способности. Но хочется верить, что как филологу-аспиранту ему хорошо ведомы пушкинские слова о том, что с воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко не подвинется...

Стремление к «живописи» прозы, особенной ее зримости похвально лишь в том случае, когда они не самоцельны, когда «работают» на образ, на характер, на произведение в целом, на его идею, на то, ради чего оно писалось.

Читая книгу Н. Климонтовича, нередко любующегося его творческими данными, метафорами, сравнениями, передачей цветов, запахов, оттенков, тонов и полутонов. Замечаешь, что автор — прилежный ученик прозы Шкловского (построение абзацев, ритмика), Паустовского (насыщенность цветами и запахами — пахнут даже те предметы, которые не имеют запаха), Катаева (своего рода «мовизм» чувствуется в рассказе Н. Климонтовича «Вход в Иерусалим на белой лошади» и в повести «Превращения инженера Ауксиниса»), не чужда молодому автору и рубленая, «телеграфная» фраза так называемой «исповедальной» прозы конца пятидесятых — начала шестидесятых годов... Но чем дальше читаешь книгу

рую так удачно определил Астафьев: стилизованная псевдоромантичность, «телега без осей». Н. Климонтовича больше занимают самоцельная «живопись» и «овеществленность». Хотя он и пытается косвенно оправдать это тем, что многие герои его рассказов — именно молодые писатели и поэты (так сказать, второе «я» автора) или странствующие молодые люди неясных профессий, любующиеся природой или ищущие отдохновения от суеты мира, но «оправдание» это еще более усугубляет «вину».

Рассказы Владимира Карпова из первой его подборки заставляют вспомнить имена Василия Белова и Василия Шукшина. Даже название третьего из них, заключающего публикацию в августовском номере «Нашего современника» за прошлый год, «шукшинское»: «Багаев, большая денга, далекая фирма и высокие небо» (ср. у Шукшина: «Космос, нервная система и шмат сала»). Но тем не менее речь в данном случае следует вести не о подражательности и даже не об ученичестве (таком, казало бы, объяснимом и понятном), а о следовании и наследовании ближней и высокой традиции той современной русской прозы, которая занята изучением подлинной и сложной народной жизни. Рассказы В. Карпова еще «клочковаты», автору не хватает опыта и мастерства, но, читая их, забываешь об условности, о лите-

ратуре, думаешь о самой «живой жизни», живешь ею, наполняешься, переживаешь, как свои, те трудные, подчас искорверканные судьбы его героев.

Да, творческая манера этого молодого писателя еще не сложилась. В этом убеждаешься, читая и последний его рассказ «Вилась веревочка...», опубликованный совсем недавно, написанный уже от первого лица, от лица подростка, отбывающего тюремное наказание и осмысляющего, как и почему он дошел до жизни такой. Кое-что в этом рассказе может показаться прямолинейным, чересчур «морализаторским», например, концовка:

«Не всему находились слова, но как озарение постигалось: надо заботиться о своей душе. Непрестанно глядеть внутрь себя, поверять желания, поступки по тем лучшим чувствам, которые тебя иногда посещают. Помнить о том, что наполнило тебя, насыщало, давало жизнь, а что откланилось пустотой и нездоровьем. Грязная душа, как и тело, не дышит, червоточит; дурная пища в душе, как и в желудке, вызывает колики... О радстве не забывать: в нем — ты».

Мне за этими словами видится не просто монолог-исповедь, покаяние героя. Я думаю, что здесь невольно «спрессовались» еще и те глубокие философские и нравственные вопросы, что глубоко тревожат Владимира Карпова, не дают ему покоя. И к ним он, чуток ощущающий «болевые точки» современности, вернется еще не раз...

Петра Краснова «судить строго» не так-то просто. И не потому, что книга его убога, а потому, что здесь невольно «спрессовались» еще и те глубокие философские и нравственные вопросы, что глубоко тревожат Владимира Карпова, не дают ему покоя. И к ним он, чуток ощущающий «болевые точки» современности, вернется еще не раз...

«Может показаться странным, но, говоря о Петре Крас-

нове, хочется отметить такие достоинства его прозы, которые обычно присущи творчеству зрелых мастеров. Краснову свойственны строгая точность изображения, взыскательное отношение к слову, идейная четкость художественной позиции, умение раскрыть характер героя во всей его сложности, а порой и противоречивости. Для рассказов молодого писателя характерны сюжетная завершенность, композиционная цельность, внутренняя динамика».

Проза Петра Краснова заслуживает большого, отдельного разговора, и отродно, что он уже начался (см., например, «Правду» от 21 февраля с. г.). Этот молодой прозаик уже стал писателем, взял определенную высоту, но как трудно ему будет на ней удержаться, как тяжело ему будет даваться вторая книга! И здесь мне опять слышится голос Виктора Астафьева, прошедшего в свое время труднейшую школу писательского ученичества, не соблазнившегося доступным и скорым успехом, преодолевшего огонь, воду и медные трубы — выдержавшего полное испытание на прочность, постоянно помогающего молодым писателям, имеющего полное право сказать так:

«...Помните, всегда помните: кто высоко запевает, вынужден петь еще выше, и никаких поблажек писателю нет. Сорвешь голос — пеняй на себя; захочешь поберечься, петь воплотится — дольше проживешь, но уж только сам для себя и жить, и петь будешь. Однако в литературе жизнь «для себя» равносильна смерти, с каждым днем у писателя растет груз прожитых лет за плечами, гложет его неудовольствием сделанным, печаль и сожаление о чем-то неведомом подступает все ближе и ближе — нет «отпуска» в этой работе и не будет его до самой смерти».

У кого достанет сил на высокий запев, кто выдержит напряжение, не прервет дыхания, возьмет в будущем еще более высокую ноту — тот станет и, что еще важнее, останется писателем.

Владимир КОРОБОВ